

УДК 327

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ УКРАИНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

NATIONAL IDENTITY AND PROSPECTS OF UKRAINIAN STATEHOOD

А.К. Дегтярев
A.K. Degtyarev

*Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова,
Россия, 346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132*

*South-Russian State Technical University (NPI) of the M.I. Platov,
132 Enlightenment St, Russia, Novocherkassk, 346428, Russia*

E-mail: rse1985@mail.ru

Аннотация. В представленной статье с позиции умеренного конструктивизма исследуется процесс становления украинской национальной идентичности. Согласно позиции автора, господствующая идентификационная матрица в Украине основывается на традиции этницизма, используемого в контексте политической целесообразности, как внедрение в массовые настроения, ставки на образ России как враждебного украинскому народу государства и разрыва традиционных российско-украинских связей. Делается вывод о том, что в рамках достижения национального единства проявляется двойственность украинской национальной идентичности, которая с одной стороны позиционируется, как европейская, но с другой этноцентрична, содержит ориентир на национальный консерватизм и ксенофобию.

Resume. In the article, from the perspective of moderate constructivism investigates the process of formation of Ukrainian national identity. According to the author's position, dominating the identity matrix in Ukraine is based on ethnism tradition, used in the context of political expediency, as the introduction to the mass sentiment, bets on the image of Russia as a hostile Ukrainian nation state and the disruption of traditional Russian-Ukrainian relations. The conclusion is that the duality of Ukrainian national identity is manifested in the pursuit of national unity, which is positioned on the one hand, as a European, but on the other ethnocentric, contains landmark national conservatism and xenophobia.

Ключевые слова: идентичность, этнонационализм, гражданская нация, «Другой», европейская интеграция.

Key words: identity, nationalism, civil nation, "Other", European integration.

По мнению немецкого ученого К. Хюбнера идентичность нации является столь же необходимым практическим постулатом человеческого общежития, как и идентичность индивидуального лица. «Она может быть представлена, как определяемая множеством исторических регулятивных систем, которыми в своих обычных действиях руководствуются отчасти осознано, отчасти неосознано, субъекты, принадлежащие к данной нации» [8]. Данное положение, если соотнести с состоянием идентичности в современном украинском обществе, выявляет проблемные узлы.

Речь идет о том, что на первый взгляд очевиден реваншистский консенсус украинского общества по поводу агрессии России и территориальных потерь. Между тем, так же очевидно, что такой консенсус не может быть долговременным и если нейтрализует конфликтность идентичностей, то это связано с нагнетанием антироссийской истерии, как основного метода манипуляции сознанием общества.

Национальная идентичность в Украине характеризуется непреодоленностью и даже противоречивостью региональных и локальных идентичностей с одной стороны и целенаправленной политической конструирования национальной идентичности с другой стороны. Говоря об этом, следует иметь ввиду, что национальная идентичность в Украине, если исходить из позиции умеренного конструктивизма, является проективной, непосредственно определяется логикой создания украинской этнической нации.

Можно констатировать, что украинская национальная идентичность исторически определялась актуальным политическим контекстом. Тем обстоятельством, что в западно-украинском регионе, восточной Галиции, которая относилась к Австро-Венгрии в конце XIX-XX вв. со стороны правящих кругов Австро-Венгрии было проявлено не просто сочувствие и поддержка, но и стремление реализовать проект украинской национальной идентичности. Если эксплицитовать эту си-

туацию, то можно говорить о том, что в западно-украинском обществе того периода был осуществлен раскол по линии москвофилы – националисты. Если не увлекаться конспирологической версией, то можно охарактеризовать украинский национализм как «рукотворный» и в этом смысле оспаривать внешнестройную, но имеющую исторические изъясны, версию национального генезиса. К. Левицкий, В. Голубович, Н. Петрушевич принадлежали к прослойке городской украинской интеллигенции, которой было свойственно желание стать политическим классом в Австро-Венгрии в условиях, когда реальные экономические и политические позиции занимало польское население.

Контекстуально проявлялась тенденция сделать украинцев равными среди народов Австро-Венгрии, освободиться от провинциализма, религиозного сектантства и крестьянского традиционализма в пользу статуса государствообразующей нации Австро-Венгрии вместе с венграми, австрийскими немцами, хорватами. Так как настроение польского населения и особенно политической элиты исторически ассоциировалось с нецевилизованностью, отсталостью и неспособностью к государственному управлению украинского населения с правом Польши на западно-украинские земли, австро-венгерская верхушка, учитывая потенциал польского сепаратизма, стремление возродить Польшу, как суверенное национальное государство, приняла проект украинского национализма, который мог бы способствовать сохранению Австро-Венгрии как государства федеративного типа.

Однако более существенный характер имел антироссийский вектор проекта национальной идентичности. Опасаясь привлекательности позиций пансловизма, и, в большей степени, идеи единства украинцев, русских и белорусов под эгидой российского государства, украинская национальная идентичность форматировалась как система ценностей, прав, языка, политических идей, утверждающих чуждость и конфликтность по отношению к России. Во-первых, было сформулировано положение о том, что базисные ценности украинского народа являются европейскими, возникли в контексте европейской культурной традиции, что выражается в приоритете свободы, ответственности, солидарности, порядка по сравнению с тем, что можно представить как русский «великодержавный комплекс» с одной стороны, а с другой – традицию рабского сознания. Поэтому культура украинского народа описывалась в качестве фронтальной по отношению к России, ее пограничности к «русскому варварству» и «азиатчине».

Делался смысловой акцент на особенность украинской идентичности, как имеющий свойство сбережения языка и культуры в условиях политики ополячивания и русификации. В этом смысле заслуживает внимания тот факт, что российские исследователи подчеркивали зависимость так называемого «украинского движения» от усилий польских интеллектуалов разобщить единую русскую общность в целях реабилитации независимого государственного существования [6]. Такая политика была связана с резистенцией российскому имперству и вполне укладывалась в рамки противодействия собиранию русских земель. Можно говорить о том, что культура интерпретировалась в рамках украинской национальной идентичности в качестве способа обособления от русской культуры и одновременно содержала сервиллизм по отношению к польской культуре. Об этом свидетельствует тот факт, что западно-украинская культура не внесла значимой лепты в ренессанс украинского народа. Идеологами национализма использовалась и используется культурное наследие Т. Шевченко, те выборочные места, которые связаны и с антисамодержавным пафосом и мифологизированными обидами на русский народ. Из украинской культуры объективно выводятся такие значимые фигуры как Н. Гоголь и Г. Сковорода. Препарированная таким образом культура становится идеологизированной, характеризующей не самое плодотворное и заметное течение украинской культурной мысли и творчества. К тому же, образы культуры подчинены логике долженствования, определяются степенью соответствия мифологеме национального возрождения и утверждению исторического права украинского народа на национальную государственность.

Наиболее показательное конструирование украинского языка: интерес представляет тот факт, что в государственном языке наблюдается галицизация, что в целях формирования украинской нации используется опыт борьбы против русского языка в Австро-Венгрии, когда через политику репрессий, административных преследований, насильственной изоляции, культурно-просветительные ассоциации, национальные школы, церкви стали проводниками «раскольнической» языковой политики. Характерно, что голичанский вариант украинского языка полонизирован и германизирован, что является ощутимым барьером на пути ассимиляторской политики в современной Украине. Иными словами, внедряемые в конце XIX – начале XX века языковые конструкции оказались действенными в рамках идеологии украинского национализма, но продемонстрировали ограниченность для реализации политики украинизации русского и русскоязычного населения. Не случайно, наблюдается удивительное явление употребления русского языка на уровне не только поддерживающем идею национального суверенитета Украины гражданского общества, но и в системе государственного управления. Объяснение тому – отход от позиций украинизации по конъюнктурным соображениям: с одной стороны, отложить конфликт в культурно языковой сфере связанной с кромольностью идеи русско-украинского двуязычия, с другой – имитировать соответствие европейским языковым стандартам, что делает двусмысленными стремление националистов (особенно «свободовцев») поддержать пуризм и ригидность украинского языка.

Провозглашенный курс на европейскую интеграцию дискредитируется тем, что в рамках Евросоюза значимым является овладение и использование английского, французского, немецкого языков, как ресурса поиска работы, профессиональной и научной карьеры, как возможности повысить профессиональную и территориальную мобильность. Поэтому определенное затишье в языковой политике не означает отхода от формулы украинизации, но определяется тем, что можно охарактеризовать как разделительную черту между российским и украинским обществами. Однако значимым становится тенденция языкового «сепаратизма», борьбы за автономистские права венгерского, румынского и карпатурского меньшинств, вдохновляемых соседними государствами (Румыния, Венгрия, Словакия). Вероятно, не извлечен исторический урок консервативной модернизации Восточной Европы, где интеллигенция с идеями приоритета национально-культурных ценностей возглавила движение за «возвращение в Европу» [2].

Национальная идентичность в Украине складывалась под влиянием политической целесообразности и это выражается в нынешних условиях в том, что, по существу, идея независимости от России, культурно-цивилизационной непохожести Украины и России усиленно внедряется в массовое сознание. Когда обоснованно говорится о силах внешнего воздействия, ориентированных на утрату Россией влияния на постсоветском пространстве, отнесение России на периферию Европы, следует учитывать, что позиции идеологов евроинтеграции Украины за ее пределами (Б. А. Леви, М. Глюксман, Б. Комаровский) совпадают с логикой становления украинской национальной идентичности, которая противоречива в том, что претендуя на статус политической идентичности в реальности по культурным историческим признакам является этнонациональной идентичностью.

Хотя формально в Украине реализуется приоритет гражданских прав, этническая идентификация проявляется в том, что практикуется недоверие и подозрение по отношению к государственной лояльности жителей Юго-Востока и Донбасса, а политика деавтономизации Крыма и последовательной ликвидации крымского регионализма в немалой степени способствовала воспроизводству центробежных настроений в Крыму. Этнический идентичности заключается в том, что вместе с мифологией украинства, как самостоятельной цивилизации, как имеющей непрерывное развитие и преемственность, определяется солидарность украинской нации в качестве основного условия ее сбережения воспроизводства и развития.

Можно согласиться с Э. Геллнером, что налицо объединение политики и культуры [9]. В данном контексте культура инструментализируется для политических целей: украинская национальная идентичность вырабатывается как превращение украинской нации в якобы существовавшую ранее культуру. Речь идет о том, что форматируется символический идеал единства, совпадающий с политической традицией романтизма, связанной с идеями Гердера, но в силу униатской традиции претендующей на историческую связь с христианством и общим происхождением, обретающей императивность национального возрождения. Иными словами этнократизм культуры используется для сплочения в единое украинское государство, но при этом в рамках отмежевания с российским государством и его литературным языком [6]. Если вспомнить, что на Западной Украине (Галицкой Руси) было запрещено университетское образование на украинском языке, а на галицийском наречии украинского языка преподавались только «идеологические» предметы (история и литература) ясным становится, что этническая идентичность не может трансформироваться в политическую, исходя из того, что формировалась в качестве аргумента в пользу национальной суверенности.

Симпатизирующий украинским националистам А.П. Грицкевич, вынужден признать, что восстановление УНР (Украинской Народной Республики), как самостоятельного государственного образования 1918-1919 гг., наталкивалось на барьер сопротивления и безразличия большинства сельского населения к национальному вопросу, к тому, что при неудовлетворенности земельным вопросом большинство крестьян выражали недовольство национальным правительствам и не были склонны включаться в процесс обороны против большевистской агрессии [1]. Можно сделать вывод о том, что не смотря на националистическую ревизию истории в Украине желание представить этническую идентичность как сформировавшуюся к началу XX века является спорным.

В западно-украинском регионе движение «сичевиков» пыталось во главе с националистами-интеллектуалами реализовать идею украинской государственности и на уровне этнической консолидации могли считаться однородные общности. Но, тем не менее, речь шла о создании украинского государства при одобрении Антанты. Это обстоятельство показывает, что западно-украинские националисты осознавали идентификационное различие между «западом» и «востоком» Украины в рамках реальных культурных дифференциаций: малороссийский диалект не претендовал на роль национального языка с одной стороны, с другой – украинское население «востока» ориентировалось на достижения социальной справедливости и в этом смысле речь шла только об автономии в рамках российского государства.

Необходимо подчеркнуть, что на востоке Украины исторически закрепились традиции анархизма, которая имеет истоки в казачестве, ориентированном на вольности по отношению к государству. Это проявилось в том, что в период нацистроительства советской Украины, как пишет английский исследователь Т. Мартин, фактически формировалась украинская нация: полити-

ка украинизации заключалась в том, что в контексте борьбы с «великодержавным шовинизмом» и удовлетворение национальных чаяний [3] реализовалась политика поддержки украинского языка и украинизации на уровне образования и культуры подвергались слою городского населения, рабочий класс и интеллигенция. Когда говорят о «заслугах» большевиков в формировании украинской нации следует отметить определенную натяжку такой позиции, но вместе с тем нельзя не замечать, что в рамках соединения идеи социалистического государства и «союза народов» большевиками был закреплена принципы этничности.

По сравнению с западно-украинским (галицийским) вариантом упор был сделан на политику дерурализации украинского населения, перевод в статус промышленного класса. В этом сдвиге виделась возможность и решение национального вопроса, как крестьянского вопроса. Однако, непреднамеренным последствием политики коренизации являлось формирование этнократической элиты, которая испытывала чувство ущемленности по отношению к зависимости от Москвы и рассматривала украинскую культуру и язык как способ перевода в дискурс национальной независимости. Не случайно, что гуманитарная интеллигенция возглавила движение национального возрождения в Украине. И влияние украинских писателей и ученых (Олейник Б.) более существенно, чем авторитет диссидентов-националистов (Чорновил В.).

Это обстоятельство определяло идеологию «демократизма», которая отлична от практик демократии. Но формирующейся идеологии украинской идентичности очевидна несовместимость анархического синдрома (вильности) и интегративного национализма, который претендует на поглощение личности нации. В этом смысле этницизм выражался в интегриме, объективно копирующем ригидность советских идеологических установок. Однако гражданский аспект личности, если исходит из аналогии с анархизмом создавал эффект отклонения от этницизма и определял развитие украинской национальной идентичности как претендующий на статус государствообразующего, но не содержащий потенциал прав личности. Характерно, что идентификационная парадоксальность воплощается в нынешних условиях. В консолидации общества против общего врага, каковым «назначена» Россия и одновременно локализация идентичности в рамках конфессиональных групп или групп социальной самодеятельности. Иными словами украинская национальная идентичность не состоялась как гражданский проект и в большей степени подвержена влиянию национального консерватизма. Английский исследователь Р. Саква, характеризуя предпосылки кризиса на приграничных территориях, отмечает, что ошибкой является утверждение по развитию украинского государства вне зависимости от России. Речь идет не о десоветизации, не о деформации и лименировании чувства братства народов: в рамках десоветизации укрепляется тенденция на освобождение от традиционных экономических и личных связей с Россией [5]. Ведь по существу деколонизаторская модель, утверждающая принцип национального монизма, исключает иные формы идентичности, кроме украинской этнической идентичности. Речь идет о том, что данная модель представляет украинский народ жертвой российского империализма, а Украину колонией в составе России. Однако очевидно неудобная имплицитация в виде того, что украинский народ неизбежно представляется культурно и социально отсталым, а в таком контексте проблематичным становится формирование украинской гражданской идентичности. Таким образом, Украина входит в процесс европейской интеграции как суверенное национальное государство с идентичностью не совпадающей с европейскими ценностями.

По этому поводу можно сказать, что если проявлялась колонизаторская позиция по отношению к Украине и Украина рассматривалась в качестве объекта западного ориентализма, то подобная позиция была свойственна для тех, кого можно считать «фундаторами» современного европейского проекта. Для победителей, образовавших лигу наций, именно на основании «недоцивилизационного состояния» Западной Украины и неспособности местного населения к государственной самоорганизации не был реализован принцип национального самоопределения. Западно-украинские земли вошли после окончания Первой Мировой войны и распада Австро-Венгрии в состав Польши не столько по факту союзничества Польши с Антантой, сколько в следствие принятия европейскими политиками позиции Польши по отношению к западно-украинским землям, как исторически закрепленным в качестве нуждающимся в политической опеке окраин Польши.

Поэтому не случайным представляется сложность позиции сторонников украинизации, так как если даже представить перспективу быстрого вхождения Украины в объединенную Европу, очевидным становится разрушение этницизма, как традиционализма, не соответствующего европейской политике мультикультурализма и политкорректности. Несмотря на то, что существует понимание ограниченности этнической идентичности для признания украинского государства современным, молчаливо одобряемый евроинтеграторами «фронт» между Украиной и Россией поддерживает состояние двойственности украинской идентичности, имеющей парадно евроейское лицо и одновременно использующий образ России, как враждебного «Другого».

На этот счет норвежский исследователь И. Нойманн писал, что Россия признавалась как часть европейской системы государств, когда могла стать ценным союзником против «Турка» [4]. В современной ситуации определяется образ России, как неевропейского общества, а украинская национальная идентичность используется как инструмент не только разрыва традиционных россий-

ско-украинских связей, но и легитимирует Украину как бастион против России. Примечательно, что черты культурного сходства отвергаются, так как существенным является соотносимость этнических ценностей и смыслов с их политической значимостью. Проводимый анализ идентификационного дискурса в Украине показывает конструирование национальной идентичности как элитного проекта, как «работы» интеллектуалов и политиков, ориентированных в своем стремлении стать хотя втростепенной, но европейской нацией. В этом контексте этничность утверждает непрерывность развития украинской нации, недопустимость множественности региональных идентичностей.

Сосредоточение идеи национальной консолидации исключает из украинской нации представителей национальных и культурных меньшинств. То, что в Украине русские номинируются как национальное меньшинство, вызывает на первый взгляд недоумение, но даже в рамках куцевого проекта языковой автономии для русского населения не существует выбора кроме как ассимиляционного. Р. Саква точно отмечает, что украинская национальная идентичность является троянским конем, взорвавшим эпоху условного перемирия в Украине [5]. Нельзя данную ситуацию представлять исключительно как позицию России. В украинском обществе на повседневном уровне существует двуязычие, но «позиция» Украина, как государство украинской нации сужает возможность формирования гражданско-политического сообщества. Ослабление роли радикалов в правящем политическом классе в реальности является эффектом «спрятывания концов».

Речь идет о том, что хотя для европейского общественного мнения транслируется идея прихода к власти поколения евроинтеграторов, постулирование идеи украинизации в качестве отправной для формирования украинской национальной идентичности показывает возведение этничности в степени абсолютной истины. В этом контексте и десоветизация, и украинизация не могут восприниматься как свидетельство дрейфа в сторону Европы. В реальности ускоренное таким образом национальное строительство направлено на то, чтобы создать ситуацию невозврата к традиционным российско-украинским отношениям. Приветствуется лишь то, что соответствует интересам правящей элиты, которая нетерпима к компромиссу с российским наследием. Практически в украинском обществе осуществляется проект создания национальной идентичности, имитирующий европейскую ненациональность, но призванную работать на благо создания в рамках объединенной Европы этнически однородного государства. По-видимому существует элитное молчаливое соглашение о том, что украинская национальная идентичность должна в первую очередь углубить интеграцию украинского общества путем ограничения конституционализма.

Можно говорить о том, что в Украине доминирует дискурс «неясности», определяющего вхождение в единую Европу на правах этнократического государства, которому в национально-политике дозволено отступать от провозглашенных принципов первенства гражданских прав. Вероятно украинские евроинтеграторы усвоили «опыт» прибалтийских государств, в которых открыто проводится ассимиляция или изгнание русского и русскоязычного населения под предлогом его враждебности или интегрируемости в современное европейское сообщество. Между тем, конфликт в Донбассе обнажил существенный изъян украинской национальной идентичности: русскоязычное население Донбасса оказалось под угрозой ограничения в правах, по существу объектом внутренней колонизации. В предшествующий период массовые настроения украинского общества внедрялся образ жителя Донбасса, как «или «совка», сторонника криминальной культуры. Существующий в Украине общественно-политический дискурс описывает «гопников», «братков», «маргиналов», которым еще предстоит сложный путь обретения украинской идентичности, украинского самосознания под наставничеством львовян и киевлян.

Очевидно, что подобным образом целенаправленно создавался конфликтный потенциал внутри украинского общества, а усилия лишить самостоятельности православную общественность, принадлежащую к МП, свидетельствует о завершении процесса обособления от России для утверждения безальтернативности этнонационализма в качестве идентификационной матрицы украинского общества. Следуя за течением идентификационного дискурса, можно говорить о том, что конструирование украинской национальной идентичности есть выражение позиции слабости, которая в большей степени занимается созданием «Другого», чем утверждает позитивные гражданские ценности. Авторитетный для украинской либеральной интеллигенции немецкий философ Ю. Хабермас заявляет, что необходимо развести две вещи: этнонациональная идентичность может создать риск нетерпимости, поэтому для Украины желательным было бы формирование идентичности на универсалистских принципах правового государства и демократии [7].

Внешне это эффектно, но может оцениваться, как утопический проект, так как в русофобии, закрепленные в качестве формулы украинской национальной идентичности содержится ограничение универсальных ценностей: языковые дискриминационные практики так же, как и ограничение свободы совести в большей степени выступают аргументом в пользу утверждения идентичности с этническими приоритетами. Украинское общество далеко от того, чтобы стать, по выражению Ю. Хабермаса, постнациональным, необходимо достижение внутринационального согласия, лигитимация приоритетов гражданской нации, сохранение традиционных связей с Россией, чтобы говорить о прогрессе евроинтеграции. Швеция и Финляндия включились в процесс евроинтеграции в контексте представления автономии шведскому меньшинству в Финляндии и открытости гуманитарных и

культурно-языковых контактов между двумя странами. Политика правящих в Украине элит зачастую является политикой этнической консолидации, исключая диалог с этническими, этноконфессиональными и этнокультурными группами под предлогом недопустимости территориального раскола, территориальной дезинтеграции и утраты национального суверенитета Украины. Универсалистские формы такой ситуации отвергаются, как содержащие риск сепаратизма и выходит, что быть европейцем, означает быть только украинцем. Можно ли считать украинскую национальную идентичность современной формой проявления коллективной идентичности.

Известно, что единство языковых исторически-жизненных взаимосвязей не совпадает с организационной формой одного государства [7]. В Украине пытаются реализовать данное положение и, исходя из того, что украинская идентичность не может состоять из конституционных и моральных ценностей. Образ «Другого», какой представляется Россия, вызывает сочувствие и поддержку со стороны тех, кто относится негативно и к европейским ценностям. Если вспомнить мобилизацию под влиянием националистических и реваншистских идей украинских футбольных «ультрас» очевидно, использование для достижения интегративной идентификационной модели феномена агрессивной толпы. Современная история стала очевидцем перерождения украинского общества в общество социальных инстинктов и реакций, манипулируемых идеологами украинизации. Между тем, в контексте сохранения традиционных украинско-русских связей и признания права украинского общества на европейский выбор можно говорить о нахождении формулы идентификационного примирения. Гражданская идентичность является осознанием принадлежности к обществу, в котором сосуществуют различные культурные и исторические установки на основе ценностей равенства, справедливости, личных прав и свобод демократии. Разумеется, если судить по опыту вхождения в европейское пространство в страны Восточной Европы негативная социальная и национальная идентификация создает коллективную субъектность, которая является проблемой для европейской консолидации.

Показателен пример Польши, вошедшей в европейское интеграционное пространство, на основе традиции национальной суверенности и приверженности традиционным (католическим) ценностям. В нынешней ситуации, вызванную миграционным кризисом и приходом к власти консерваторов, обнаруживается, что в польском обществе сильно влияние националистических ценностей, что Польша не готова принять позицию коллективного гуманизма. В этом контексте украинская национальная идентичность содержит еще больший рискогенный потенциал, так как всецело строится на эффекте отторжения «Другого»: это порождает в украинском обществе чувство ксенофобии, неприязни к чужакам и даже если правящая этнократия реализует политику разрыва связи с Россией и внедрит в массовое настроение синдром ложной исторической памяти.

Очевидно, что европейцев ждет испытание, не только связанное с экономическими проблемами Украины, но и с тем, что украинское общество морально готовится к вхождению в Европу наций. Современная Европа под влиянием политики левого либерализма стала Европой утраты европейской идентичности и инклюзии традиционных ценностей, привносимых мигрантами. Вероятно, последствия господствующей в Украине идентификационной стратегии заключается в том, что украинское общество либо вынуждено будет сменить культурный генотип, конструируемый в условиях этнодискриминационных практик, либо пребывать в статусе маргинального государства, существование которого оправдывается только тем, что отвечает духу конфронтации с Россией, как способом борьбы за политическое господство.

Список литературы

References

1. Грицкевич А.П. Борьба за Украину 1918-1921. – Минск: 2011. – С. 149-150.
Gritskevich AP Fighting for Ukraine 1918-1921. - Minsk: 2011. - С. 149-150.
2. Коровицина Н.В. С Россией и без нее: Восточно-Европейский путь развития. – М.: 2003. – С. 47.
Korovitsina NV With or without Russia: Eastern European way of development. - M.: 2003. - S. 47.
3. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». – М.: 2011. – С. 109.
Martin T. Empire "positive activities". - M.: 2011. - S. 109.
4. Нойнманн И. Использование «Другого». – М.: 2004. – С. 111.
Noynmann I. The use of "Other". - M.: 2004. - S. 111.
5. Саква Р. Линия фронта Украина. – М.: 2015. – С. 70.
Sakwa R. Frontline Ukraine. - M.: 2015. - S. 70.
6. Украинский сепаратизм в России. – М.: 1998. – С. 137-138.
Ukrainian separatism in Russia. - M.: 1998. - S. 137-138.
7. Хабермас Ю. Политические работы. – М.: 2005. – С. 141.
Habermas J. political work. - M.: 2005. - S. 141.
8. Хюбнер К. Нация: от забвения к порождению. – М.: 2001. – С. 292-293.
Hubner K. The Nation: From Oblivion to the generation. - M.: 2001. - P. 292-293.
9. Gellner E. Nations and nationalism. – Oxford: 1983. – P. 58.